

— Вы слышали? Младшего господина семьи Цинь, Цинь Сю, за одну ночь изувечили! Говорят, это его собственный питомец постарался.

— Совсем эти твари обнаглели в последнее время. Что он там вообще держал? Расскажите, чтобы я себе такое точно никогда не завёл.

— Да туда ему и дорога, заслужил. В новостях уже всё подробно расписали, его забрали на допрос.

— Говорят, он какими-то зверскими методами вырастил целую свору бешеных кошек. Настоящие дикие монстры, будто людей никогда не видели. Жрут только сырое мясо — любое, без разбору. И тощие все, смотреть жалко.

— Он у себя устроил что-то вроде мини-колизея. Сводил голодных злых кошек с беззащитными морскими свинками. Причём большинство этих свинок хозяева сами ему отдавали! Раз в неделю устраивал забой. Кошки задирали свинок, а тушки потом шли им на корм на всю следующую неделю. Эту живодёрню он назвал «Охотой злых кошек». Всё остальное время держал их в тесных тёмных клетках, без света и людей. Для несчастных кошек эта еженедельная охота была единственным развлечением. И ведь это не единственная его забава. Говорят, когда к нему нагрянули с обыском, вторую игру только готовили к запуску, но лавочку быстро прикрыли.

— В новостях пишут, что он закон нарушил — использовал эти игрища для подпольного тотализатора. Потому и взяли. Интересно, сколько ему теперь впаяют?

— Скажите спасибо, что он додумался похитить питомца господина Вэя из Вэйши Груп. Стоило такой силище вмешаться, как все грязные делишки Цинь Сю тут же вылезли наружу. Теперь Вэйши Груп официально судится с семьёй Цинь, их там по всем статьям на неустойки и компенсации ставят.

За одну ночь разоблачительные статьи посыпались как грибы после дождя. Любители морских свинок, кошек и собак объединились в едином порыве гнева, поливая грязью избалованного наследника семьи Цинь. И ладно бы только моральное осуждение — интернет-ищейки и «неравнодушные граждане» начали раскапывать одно грязное бельё семейства за другим.

В деловых кругах города S мгновенно закрепилось новое негласное правило: держись подальше от морской свинки господина Вэя. Иначе закончишь как семья Цинь — на самом дне, без шанса подняться.

Даже в эпоху интернета печатная пресса не утратила силы. На первой полосе сегодняшних газет красовался броский заголовок: «СЕМЬЕ ЦИНЬ ГРОЗИТ БАНКРОТСТВО».

Ниже красовались леденящие душу снимки. На одном — четыре истощённых до предела чёрных кошки. Оскалив пасти, они метались по крошечным клеткам. Они смотрели с диким,

голодным безумием. Хребты выпирали сквозь туго обтянутую кожу, словно ржавые цепи, рёбра можно было пересчитать по пальцам — облезлая шкура едва прикрывала кости.

На другом фото — горы растерзанных морских свинок на окровавленной соломе. Одни выпотрошены, другие разорваны на части. Оторванные лапы казались почти обычным делом на фоне по-настоящему жуткого зрелища: обезглавленное тельце свинки, на шее которой всё ещё болтался именной жетон от прежнего хозяина. Откатившаяся в сторону голова застыла с широко распахнутыми глазами-бусинками, а в зубах остался зажатый недоеденный пучок сена.

Рядом опубликовали снимки тех зверьков, которых успели спасти люди из Вэйши Групп. Перебинтованные, крошечные, они казались самым воплощением хрупкости и страдания. У кого-то не хватало лап, кто-то остался калекой с единственной конечностью, у кого-то были оторваны уши... Но во взглядах этих созданий, доверчиво смотрящих в объектив, светилась тихая надежда на жизнь.

Именно эти кадры окончательно похоронили репутацию семьи Цинь.

Теперь они были обречены. Никто в здравом уме не посмел бы протянуть им руку помощи.

Их ждало забвение. Они исчезнут с лица земли, как те выскочки из заштатных контор, и проведут остаток дней, расплачиваясь за свои грехи.

Поместье Вэй

Просторный домашний медицинский кабинет.

Здесь ровными рядами в три яруса выстроились тридцать просторных сетчатых вольеров — каждый семьдесят сантиметров в длину и пятьдесят в ширину. Обустроили их на славу, со знанием дела, и даже заботливо наклеили на дверцы порядковые номера.

Внутри царил идеальная чистота: сухой поддон, мягкие уютные гнёзда из хлопка, ароматное зелёное сено, вкусный корм для морских свинок, сочный болгарский перец и чистейшая питьевая вода без малейшего запаха. Даже сам воздух здесь казался кристально чистым, прохладным и свежим.

В каждом вольере обживался новый постоялец. Несмотря на бывшие увечья, зверьки быстро освоились и теперь с любопытством шуршали в своих новых домиках, оживлённо переговариваясь на своём понятном только им языке.

Ассистент ветеринара, пахнувший спиртом и антисептиком, методично обходил вольеры,

бережно обрабатывая раны пострадавших животных мазью.

— Уи-уи-уи-уи-уи! — тихонько запищал Бутончик, угольно-черный морской свин, у которого уцелела всего одна лапка.

"Спасибо тебе, человек"

— Давай, поправляйся. И не вздумай слизывать мазь. Потерпи пару дней, и всё заживёт, — ласково пригрозил ассистент, улыбаясь под медицинской маской. Он не понимал языка грызунов, но интуитивно догадывался, что малыш пытается его поблагодарить.

— Уи-уи-уи-уи, — серьёзно отозвался Бутончик. Он знал, что двуногие не понимают его речь, но всё равно хотел ответить.

"Я буду послушным"

Этот тонкий, нежный писк больше всего походил на голосок робкой маленькой девочки. Сердце парня окончательно растаяло.

Как раз в этот момент в кабинет вошёл Вэй Ци. На его плече восседал Шигуй — круглый, золотисто-рыжий, с начисто отмытой мордочкой, на которой больше не было следов запекшейся крови. На шее у него красовался крошечный жёлто-белый елизаветинский воротник. Защитный конус полностью перекрывал боковой обзор, поэтому Шигую приходилось смешно вытягивать шею и крутить головой, чтобы хоть что-то разглядеть через узкий просвет перед собой.

Щеку приятно холодила мазь, которую Вэй Ци втирал ему силой. Вспомнив об этом унижении, Шигуй сердито царапнул мужчину за шею, оставив на коже бледные полосы.

Вэй Ци прохладными пальцами тут же мягко, но надёжно перехватил его крошечные лапки. Вэй Ци осторожно сжал тёплые подушечки и тихо рассмеялся:

— Всё ещё дуешься? Если не мазать, у моего Сяо Шигуя останется шрам на всю жизнь.

Шигуй возмущённо заверещал и принялся топтаться на широком плече хозяина, но в воротнике потерял баланс и едва не полетел кувырком назад. Мужчина вовремя подхватил его ладонью.

Ну ладно лечить, но брить-то зачем?! Ради пустяковой царапины ему выбрили целый клочок на щеке! Шигуй сегодня специально разглядывал себя в зеркало и чуть инфаркт не схватил: левая половина мордочки осталась абсолютно лысой. Розовая голая кожа соседствовала с пушистой белой шерсткой — вылитый двуликий Янус, ни дать ни взять!

Это всё равно как если бы человеку из-за маленькой ранки на затылке сбрили половину шевелюры, оставив одну сторону безупречно гладкой, а другую — с длинными локонами. Любой бы взвыл от такого зрелища. Вот и у морского свина сдавали нервы.

— Через пару дней отрастёт. Вовсе не уродливо, очень даже мило, — утешил его Вэй Ци, легонько пощекотав пальцем макушку.

Шигуй сердито оттолкнул его руку лапкой. Как ни странно, огромный человек легко поддался этому слабому толчку. В ушах грызуна снова раздался тихий смешок.

Мило ему! Это же лицо, главная гордость любого порядочного свина! Разве можно так просто отмахнуться? Обиженный до глубины души, Шигуй отвернулся, подставив хозяину пушистую рыжую спину. С этим дурацким воротником на шее он сейчас напоминал сердитый жёлтый гриб на ножке.

Тем временем другие свинки в кабинете почуяли запах Шигуя. По комнате мгновенно прокатилась волна звонкого писка — словно одновременно дунули в тридцать свистков. Звуки переливались, то затихая, то нарастая, напоминая какой-то безумный лесной оркестр.

— Шигуй пришёл! Это Шигуй! — радостно заверещал Бутончик со своего места.

— А где тот серый свин? — раздался из мягкого гнезда скрипучий, точно гвоздем по стеклу, голосок молодого Изыщного.

— И где огромный чёрный пёс с белым самоедом? — запрыгал по подстилке Обезьянка, смешной пёстрый зверёк с вытянутой мордочкой. Новое жилище привело его в такой восторг, что он не мог усидеть на месте, исследуя каждый уголок своего личного вольера.

— Уголёк и Камешек греются на солнышке во дворе. А Сяо Хуэй здесь, пришёл со мной, — принялся объяснять спасённым Шигуй.

Зверьки удивлённо завертели головами, но никого не увидели. Наконец Шигую пришлось позвать друга громче:

— Сяо Хуэй, ну же, покажись!

— Да тут я... — Из-за косяка двери несмело высунулась серая ушастая мордочка.

Держась от греха подальше — как минимум в трёх метрах от долговязого Вэй Ци — длинношёрстный серый свин бочком прокрался вдоль стены поближе к вольерам.

— Шигуй, Сяо Хуэй... Спасибо, что вытащили нас, — проскрипел Изыщный. Его шея тоже была

замотана бинтами, а голову обрамлял такой же защитный воротничок.

— Спасибо вам! Спасибо!

По кабинету прокатился гул благодарности. Те свинки, у которых уцелели лапки, поднимались на задние конечности и смешно кланялись, точь-в-точь как люди; калеки шевелили уцелевшими обрубками. Трогательнее всех выглядел угольно-черный Бутончик: он изо всех сил старался вытянуть вверх свою единственную заднюю лапку, а сам смешно подрагивал крошечными ушками от усердия.

— Мы же соплеменники, в беде бросать нельзя, — смутился Шигуй. Он хотел было потереть лапкой затылок, но упёрся в жёсткий пластиковый обод. — Сегодня мы помогли вам, а завтра, глядишь, и вы нас выручите.

Сидеть на плече Вэй Ци больше не хотелось. Шигуй нетерпеливо завозился, давая понять, что хочет на пол. Мужчина бережно обхватил его тельце, прикрыл ладонью глаза от яркого света и аккуратно опустил на стол прямо перед вольером Изыщного.

И вдруг воздух в кабинете изменился. Приторно-сладкий, удушливый запах опасности ворвался в помещение. Это был самый ненавистный, самый жуткий кошмар для любого грызуна — вечный призрак Охоты злых кошек, пропахший смертью и безысходностью.

Весёлый писк мгновенно оборвался. В комнате повисла мёртвая, звенящая тишина. Все тридцать пар глаз-бусинок уставились в одну точку. Шигуй тоже замер, не смея пошевелиться.

В дверях показались четверо слуг в форменных комбинезонах. Каждый держал по небольшой металлической клетке. Внутри бились, заходясь яростью, четыре исхудавших черных зверя. Облезлая кожа туго обтягивала их хрупкие скелеты.

Они скалились, обнажая острые клыки, тускло поблёскивающие в полумраке комнаты. Бешеные твари бросались на прутья решёток, хрипло и зловеще рыча на каждого, кто попадался им на глаза.